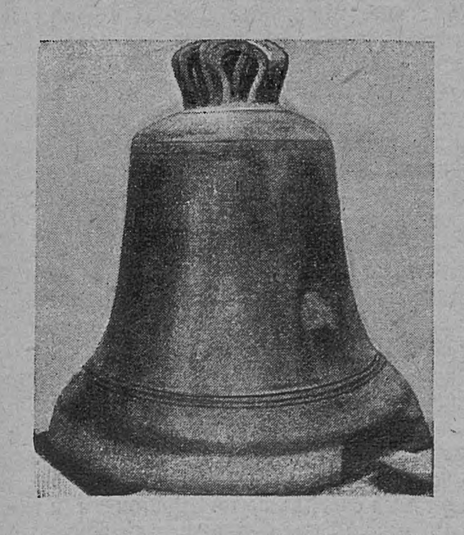
ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 15 | Понедѣльникъ 2 (15 мая) 1905 г. | № 15

Шафгаузенск й колоколъ.

Надпись на колоколѣ „Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura flango“, послужила поэту темой для извѣстнаго стихотворенія „Пѣсня о колоколѣ“.

Въ Ясной Полянѣ.

(*Отъ собственнаго корреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей“*).

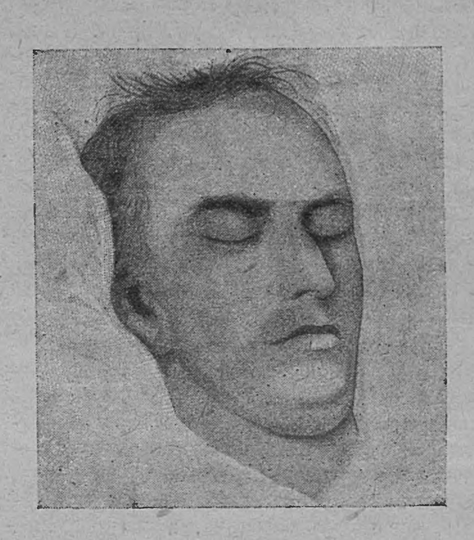
Совершить четырнадцати-верстное разстояніе отъ Тулы до Ясной Поляны было куда легче, пріятнѣе и спокойнѣе, нежели проѣхать двѣ версты по самому городу Тулѣ.

Едва только мой возница (мѣстный легковой извозчикъ) тронулся съ мѣста, какъ пролетка такъ отчаянно запрыгала по ухабистой мостовой, наклоняясь то въ ту, то въ другую сторону, что я принужденъ былъ ухватиться обѣими руками за сидѣнье.

— Ну, и мостовыя у васъ...—невольно вырвалось у меня, и я сейчасъ же раскаялся въ этомъ, до боли прикусивъ себѣ языкъ. Возница повернулъ ко мнѣ свое смѣющееся лицо.

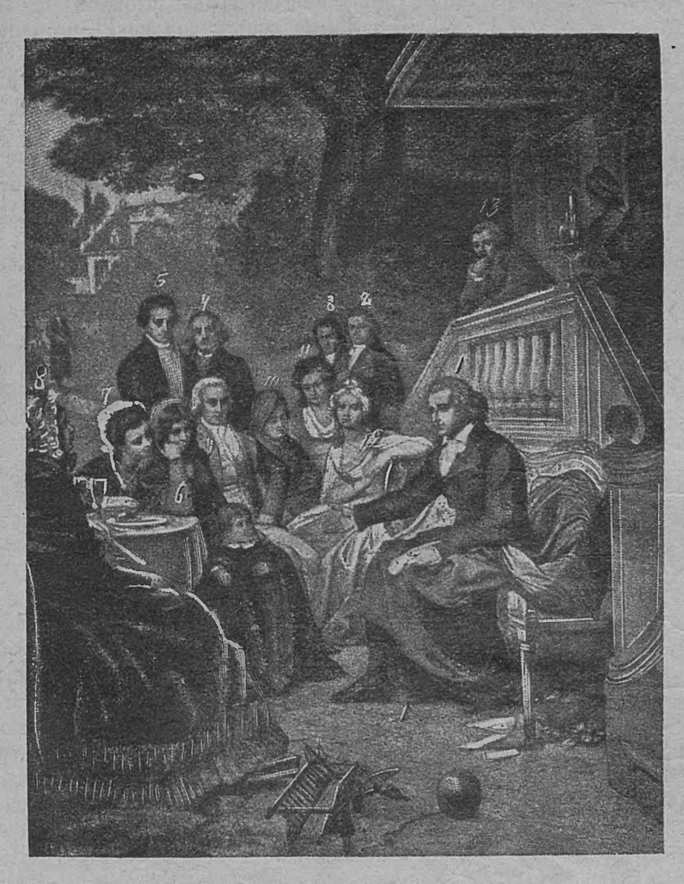
— На нашихъ мостовыхъ только экипажи пробовать,—какъ пишутъ въ „Калужскомъ Вѣстникѣ“,—отвѣтилъ онъ,—еще недавно писали про это.

— А ты грамотный?

Шиллеръ на смертномъ одрѣ.

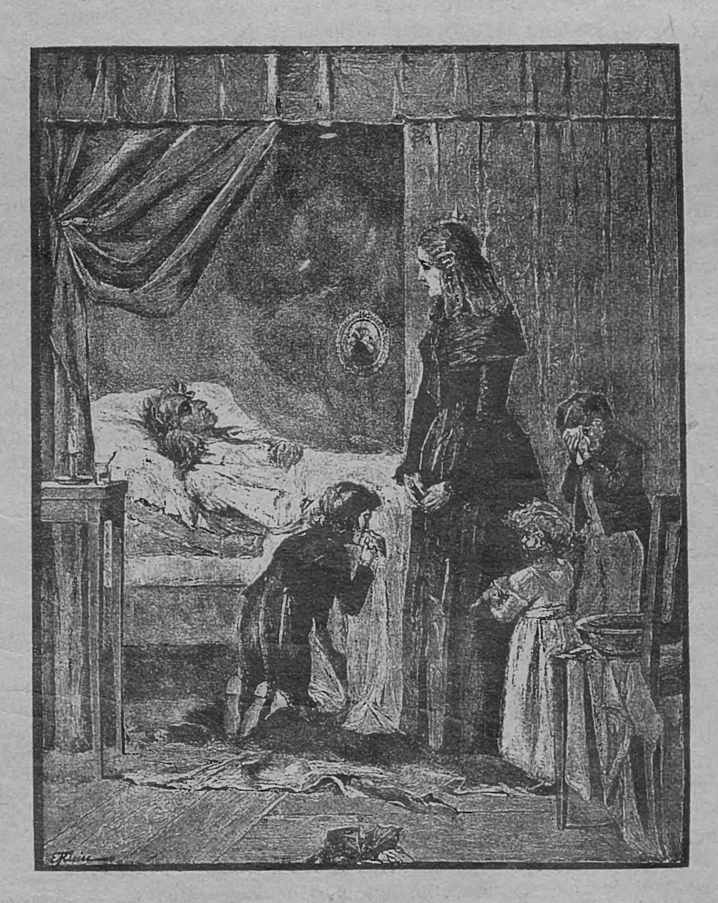
— Какъ же?! Зимъ восемь бѣгалъ въ яснополянскую школу. Бывало, самъ графъ пріѣдетъ верхомъ, привяжетъ лошадь и зани-

Шиллеръ въ Веймарѣ въ кругу своихъ друзей.

(Картина Линденшмита).

1) Шиллеръ. 2) Герцогъ Веймарскій, король Августъ. 3) Вильгельмъ Гумбольдтъ. 4) Гердеръ. 5) Гете. 6) Жена Шиллера съ сыномъ. 7) Ея сестра. 8) Г-жа Эглофштейнъ. 9) Кернеръ. 10) Г-жа Ларошъ. 11) Г-жа Шретеръ, актриса. 12) Шарлотта Кольбъ. 13) Мувеусъ.

Шиллеръ на смертномъ одрѣ.
Съ современной гравюры, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Къ 100-лѣтію со дня смерти Фридриха Шиллера 26-го апрѣля (9-го мая).

мается съ нами. Я, вѣдь, изъ самой Ясной Поляны.

Послѣднему сообщенію я очень обрадовался, думая разспросить возницу про ихъ отношенія ко Льву Николаевичу. Возница попался очень развитой и разговорчивый.

— Плохо жить стало, баринъ,—повернулся ко мнѣ черезъ минуту извозчикъ,—все дорожаетъ, а заработки дѣлаются хуже. Ужь на что, кажется, вода нужнѣе всего, и то подорожала. Прежде давали на копѣйку десять ведеръ, а теперь только шесть. А на цѣлый годъ это расчетъ составить. Номера извозчичьи тоже подорожали. Прежде стоили пять рублей, а теперь больше семи рублей. И куда только деньги эти дѣваются. На конной площади теперь налогъ ввели съ каждаго барана, коровы или лошади. Одно слово, за все дерутъ. А про полицію и говорить нечего. Бѣда, какъ донимаетъ. Большая власть полиціи дана. Отъ городовыхъ житья нѣтъ. Если не дашь двугривеннаго или пятіалтыннаго, такъ замучаютъ. Однихъ больныхъ да пьяныхъ сколько перевозить заставятъ.

— А развѣ вы ничего не получаете за это?

— Получаемъ?!—разсмѣялся извозчикъ,—сами еще платимъ. Намедни городовой взвалилъ ко мнѣ на пролетку пьянаго, всего въ грязи, прямо на сидѣнье. Я и говорю: опустите его пониже, а то онъ все сидѣнье испачкаетъ, а городовой на меня какъ крикнетъ, да еще по шеѣ хотѣлъ съѣздить. Нечего дѣлать, повезъ въ больницу, а мы обязаны, вѣдь, только отъ биржи до биржи везти. Ну, ничего не подѣлаешь. Отвезъ въ больницу, тамъ продержали меня полдня, пока городовой помѣстилъ больного-то. Потомъ городовой велѣлъ везти себя въ участокъ; привезъ,—велѣлъ опять ждать. А послѣ уже и на постъ отвезъ. Только это ссадилъ я его, онъ и говоритъ: „давай двугривенный на водку". Далъ ему двугривенный, а самъ поѣхалъ домой пролетку мыть. Такъ день и пропалъ, да еще и двугривенный изъ кармана выскочилъ. А не дать, такъ въ участокъ отправитъ, или номеръ оторветъ и подъ штрафъ подведетъ. Еще хуже. Житья отъ нихъ нѣтъ и суда, и управы не найдешь.

У меня не было никакихъ поводовъ возражать своему возницѣ, а тѣмъ болѣе не довѣрять ему. О произволахъ и вымогательствѣ тульской полиціи я слыхалъ и прежде не разъ, да и въ газетахъ не разъ отмѣчались.

Мнѣ захотѣлось провѣрить самому, насколько справедливы довольно частыя увѣренія охранительной прессы о томъ, что мужики относятся къ Льву Николаевичу съ насмѣшкой и стараются извлекать побольше выгодъ изъ его „чудачествъ",—по выраженію тѣхъ же „охранителей".

— Что же,—спрашиваю своего возницу,—графъ теперь не работаетъ?

— Теперь нѣтъ: старъ уже сталъ, да и не совсѣмъ здоровъ. А прежде много работалъ. Больше всего съ Маріей Львовной. Она такая ловкая къ нашей работѣ, что не всякая деревенская сравняется съ нею. Графъ съ Марьей Львовной двѣ избы склалъ у одной вдовы. Мастера держалъ, который дѣлалъ растворъ, а самъ клалъ. Сколько денегъ ему стало.

— Не чудно вамъ было смотрѣть на это? Не смѣялись?

— Нѣтъ. Что-жъ тутъ чудного? Онъ хотѣлъ всякую работу узнать, какъ она тяжела, чтобы, значитъ, имѣть самому понятіе о всякомъ трудѣ. Смѣяться тоже нечего. Дураки, можетъ быть, и смѣялись. Такъ ихъ въ каждомъ сословіи много. Графъ насъ добру учитъ: не пить водки, не курить табаку и не противиться злу. Все это вѣрно. Если бы такъ жили мы, такъ намъ и волостныхъ правленіевъ не надобно было бы.

— А помогаетъ вамъ Левъ Николаевичъ?

— Ну, еще бы? Такіе всѣ у него добрые. Онъ намъ всѣмъ помогаетъ: и деньгами, и хлѣбомъ, и хворостомъ. Послѣдній у насъ дорогъ, да и ѣхать за нимъ надобно цѣлый день въ одинъ конецъ. А графъ даетъ все даромъ. Штрафовъ у насъ, какъ у прочихъ господъ, нѣтъ. Даже караульщика въ графскомъ лѣсу нѣтъ. Какъ-то, было, наняли караульщика, а графъ увидѣлъ его и спрашиваетъ: „ты что тутъ дѣлаешь?" „Лѣсъ, отвѣчаетъ, „караулю".. „Что же его караулить, развѣ онъ куда убѣжитъ? Нечего его караулить". И велѣлъ расчитать караульщика.

— А порубки бываютъ?

— А что-жъ въ этомъ плохого, если, къ примѣру, мнѣ понадобилась оглобля, а взять негдѣ, и я пошелъ и срубилъ ее для своей нужды? Вотъ, если бы нужна была одна оглобля, а я срубилъ двѣ или три, лишнія бы продалъ, а деньги пропилъ, вотъ это было бы плохо, не по совѣсти. Графъ знаетъ это. А какіе всѣ у него добрые—такъ на удивленье. Особенно Марья Львовна. Стоитъ только кому-нибудь заболѣть, какъ она сейчасъ—и чаю, и сахару, и лѣкарствъ, и доктора. Разъ пятнадцать въ день навѣдаться прибѣжитъ... И живутъ у насъ лучше, и ссоръ меньше. Случится ссора--пойдутъ къ графу, а онъ и склонитъ къ миру. Конечно, послушаются его, глядишь—и лучше вышло. И воровства у насъ меньше. А вотъ недалеко отъ насъ деревня Телят- и, такъ тамъ всѣ мужики воръ на ворѣ. Да и не одни только большіе занимаются воровствомъ. Разъ даже такъ было. Послалъ отецъ (телят-ій мужикъ) своихъ сыновей-мальчишекъ въ село за табакомъ, а они ему и махорки принесли, и вдобавокъ лошадь привели; гдѣ-то по дорогѣ хапнули.

Вотъ какой народъ вороватый.

Тридцать верстъ проѣхали почти незамѣтно. Вдали показалась станція „Козлова Засѣка".

— Говорятъ, разбойникъ Кудеяръ здѣсь жилъ давно и грабилъ людей, замѣтилъ извозчикъ, указывая на „Козлову Засѣку". Да и эта гора,--указалъ онъ на мѣсто, по которому мы ѣхали,--тоже нехороша. Частенько здѣсь пошаливаютъ. Я всмотрѣлся и убѣдился, что гора это та самая, которая описана въ разсказѣ Тургенева „Стучитъ". Ошибки быть не могло. На всемъ разстояніи отъ Ясенокъ до самой Тулы, только и было одно „нехорошее" мѣсто по шоссейной дорогѣ, находящееся при томъ же въ самомъ лѣсу.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже свернули вправо къ Ясной Полянѣ...

* * *

— Пожалуйте, графъ просятъ васъ къ себѣ! пригласилъ меня лакей черезъ полминуты, послѣ того, какъ я попросилъ передать свою карточку Льву Николаевичу. „Великій писатель земли русской" принялъ меня въ своемъ кабинетѣ наверху.

— Простите,--началъ Левъ Николаевичъ, поздоровавшись со мной:--я чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ и могу поговорить съ вами только нѣсколько минутъ, да и то не какъ съ корреспондентомъ газеты, а какъ--съ человѣкомъ вообще.

— Почему же такъ, Левъ Николаевичъ?

— Я здѣсь недавно говорилъ съ однимъ корреспондентомъ по поводу нынѣшнихъ событій; а онъ тамъ взялъ и напечаталъ что-то обо мнѣ гдѣ-то въ „Вѣдомостяхъ" что-ли, или въ „Листкѣ"—самъ я этого не читалъ—и теперь я получаю массу ругательныхъ писемъ съ укорами за то, что будто бы я бранилъ интеллигенцію по поводу нынѣшнихъ событій.

Левъ Николаевичъ пожалъ плечами.

— Не знаю, когда я бранилъ ее,—продолжалъ онъ,—а между тѣмъ многіе въ письмахъ бранятъ меня за мои отзывы объ интеллигенціи. Конечно, Богъ съ ними. Я не сдержусь отвѣчать на это не буду.

Понапрасну люди только тратятъ семь копѣекъ на марку, а я семь минутъ на чтеніе письма.

Давно уже я отказываюсь отъ писемъ безъ марокъ, а теперь, пожалуй, скоро придется отказываться и отъ писемъ съ марками. Нельзя только этого сдѣлать, потому что на стое ругательныхъ писемъ приходится десять дѣловыхъ, на которыя надобно отвѣчать.

— Большинство читающей публики, конечно, не повѣрили, Левъ Николаевичъ, чтобы возбудившее такіе толки интервью было точнымъ воспроизведеніемъ вашихъ мыслей: прежде вы такъ смѣло всегда говорили о томъ, о чемъ другіе боялись даже и заикаться.

— Я теперь убѣдился, что никакой пользы отъ этихъ разговоровъ (интервью) нѣтъ. Обыкновенно, каждую свою статью я передѣлываю разъ по двадцати, дополняю ее, обрабатываю, потому что многое кажется мнѣ выраженнымъ темно или неясно. При интервью же человѣкъ поговоритъ нѣсколько минутъ, потомъ напишетъ и выхватитъ только отдѣльныя выраженія изъ разговора, которыя далеко не выражаютъ основныхъ мыслей. Ну, и получается совсѣмъ не то. Поэтому я и рѣшилъ отказываться отъ разговоровъ для газетъ.

Все, что я думаю относительно теперешнихъ событій, я высказываю самъ въ заграничной прессѣ.

— Но, вѣдь, всего этого мы, русскіе, лишены,--возразилъ я,--ядовитое замѣчаніе въ одномъ энциклопедическомъ словарѣ о томъ, что „нѣкоторыя ваши сочиненія читаются даже и въ Россіи",—чистая правда.

Левъ Николаевичъ пожалъ плечами и замѣтилъ, что теперь, кажется, стало свободнѣе въ дѣлѣ печати. Пришлось разувѣрить.

— Не понимаю, заговорилъ Левъ Николаевичъ: почему не дадутъ свободы печати. Отъ этого была бы даже громадная польза для самого правительства.

— Въ смыслѣ большаго довѣрія общества къ консервативной печати?

— Да, и въ этомъ отношеніи. Теперь иногда у князя Мещерскаго попадаются такія статейки, которыя заслуживали бы вниманія и довѣрія, но имъ никто теперь не вѣритъ при существующемъ порядкѣ вещей. При свободѣ же печати было бы другое отношеніе.

Кромѣ того, при свободѣ печати революціонная пресса, высказываясь свободно, договорилась бы до такихъ крайностей, что многіе благоразумные люди отвернулись бы тогда отъ нея.

Вообще, консервативная и революціонная печать при свободѣ слова должны взаимно уравновѣшивать противоположные концы коромысла. А то правительство захватило одинъ конецъ коромысла вотъ такъ (Левъ Николаевичъ зажалъ указательный палецъ правой руки между большимъ и указательнымъ пальцами лѣвой), держитъ этотъ конецъ крѣпко и думаетъ, что противоположный—консервативный—конецъ перевѣситъ, а этого никогда и быть не можетъ.

Удивительно, какъ князь Святополкъ-Мирскій не далъ свободы печати. Я такъ и думалъ, что онъ сдѣлаетъ печать свободной.

Разговоръ коснулся духовенства.

— Не любитъ васъ, Левъ Николаевичъ, это сословіе,—замѣтилъ я.

— Не всѣ. У меня есть среди духовныхъ

много знакомыхъ, которые пишутъ мнѣ, говорять о своемъ разладѣ съ самими собой и спрашиваютъ, какъ быть. И я не могу бросить въ этихъ людей камнемъ, когда у нихъ за спиной цѣлая семья.

Въ концѣ разговора Левъ Николаевичъ сказалъ, что онъ въ настоящее время работаетъ надъ рѣшеніемъ земельнаго вопроса въ Россіи по системѣ Генри Джорджа.

* * *

За завтракомъ въ столовой собралась почти вся семья Льва Николаевича вмѣстѣ съ его зятемъ княземъ Н. Л. Оболенскимъ. Съ Петербурга разговоръ перешелъ постепенно и на приписанные Льву Николаевичу неблагопріятные отзывы его объ интеллигенціи.

— Вполнѣ понятно, — замѣтилъ Сергѣй Львовичъ, — что отецъ отказывается сообщать свои мнѣнія по поводу теперешнихъ событій. Всѣ эти мнѣнія передаются въ невѣрномъ освѣщеніи. Берутся только отдѣльныя слова, а не весь ходъ мыслей. И получается совершенно обратный смыслъ. А реакціонная печать пользуется такими сообщеніями, берегъ изъ нихъ только отдѣльныя фразы и дѣлаетъ разныя подтасовки.

— Но, вотъ, что особенно возмутительно, — продолжалъ черезъ нѣсколько времени Сергѣй Львовичъ, показывая мнѣ книжку „Review of Reviews“ съ запачканными рисунками и выдранными страницами, — эта вотъ пачкотня цѣлыхъ страницъ и вырываніе цѣлыхъ статей. Иногда бываютъ напечатаны статьи отца во французскихъ или англійскихъ журналахъ и газетахъ и здѣсь мы получаемъ эти органы, гдѣ какъ-разъ вырваны статьи Льва Николаевича.

— Значитъ, Левъ Николаевичъ лишенъ возможности читать самого себя въ заграничныхъ газетахъ и журналахъ? — спрашиваю я.

Сергѣй Львовичъ пожалъ плечами.

— Но, вѣдь, Левъ Николаевичъ почетный академикъ, а у насъ, кажется, всякій генералъ, даже и штатскій, можетъ выписывать всѣ книги изъ-за границы безъ всякой цензуры и пачканій?

— А для отца этого исключенія не дѣлается.

Разговоръ, между прочимъ, коснулся и, такъ называемаго, „отлученія“ Льва Николаевича.

— А вы знаете, — замѣтила Софья Андревна, — вѣдь, митрополитъ писалъ мнѣ, когда Левъ Николаевичъ былъ боленъ, письмо, въ которомъ совѣтовалъ мнѣ убѣдить Льва Николаевича пріобщиться, ссылаясь на то, что все въ волѣ Божіей.

— И что же вы отвѣтили ему, графиня?

— Вполнѣ согласилась, что все въ волѣ Божіей, и сказала: „да будетъ во всемъ воля Его“.

Передъ прощаньемъ графиня познакомила меня со своимъ письмомъ „О призывѣ къ миру“, которое уже послано въ одну изъ редакцій, но должно появиться во французскихъ и англійскихъ газетахъ.

И. Барковъ.

Памяти Шиллера.

(Къ столѣтію со дня его смерти).

Сегодня Германія, и вмѣстѣ съ нею весь цивилизованный міръ сольются въ одномъ воспоминаніи—воспоминаніи о великомъ Шиллерѣ. Сто лѣтъ назадъ смерть унесла поэта.

Но есть нѣчто болѣе сильное, болѣе властное чѣмъ сама владычица міра—смерть. Это сильное, властное, не что иное, какъ безсмертіе человѣческаго духа. Оно дается въ удѣлъ только немногимъ—избраннымъ изъ избранныхъ, только исполинамъ мысли, таланта и духа.

Такимъ исполиномъ и является Шиллеръ на столѣтіе со дня рожденія котораго, по словамъ русскаго поэта, „вся Европа встала, засвѣтила тысячи огней и отпѣла и отликовала Шиллера столѣтній юбилей“.

Огонь шиллеровскаго творчества еще не погасъ, онъ еще не только свѣтитъ ярко, но и грѣетъ „Германіи поэтъ всемірный“ близокъ Россіи. Близокъ и дѣятельно горячъ его пламенный призывъ на путь идеализма.

Въ русской литературѣ съ именемъ Шиллера тѣсно связанъ рядъ близкихъ родныхъ именъ, начиная съ Жуковскаго и Пушкина, Бѣлинскаго и Герцена Благородный „адвокатъ человѣчества“, неустанно напоминавшій забывшимъ о высокомъ призваніи, Шиллеръ является для насъ рыцаремъ благородства и мужества, провозвѣстникомъ тѣхъ лучшихъ новыхъ началъ, въ которыя онъ не уставалъ вѣрить и которыя не уставалъ проповѣдывать.

Его проповѣдь еще до сихъ поръ звучитъ горячимъ призывомъ къ лучшему будущему. Въ это лучшее будущее онъ такъ пламенно вѣрилъ... Его онъ прозрѣвалъ въ вѣкахъ. ..

Іоганнъ-Кристофъ-Фридрихъ Шиллеръ родился 10 ноября 1759 года въ виртембергскомъ городкѣ Марбахѣ. Предки его, вышедшіе въ Швабію изъ Тироля дворяне, впослѣдствіи, потерявъ дворянство, превратились въ крестьянъ и мелкихъ бюргеровъ. Прадѣдъ и дѣдъ поэта были булочниками, и только его отецъ, поступивъ въ военную службу, дошелъ до капитанскаго чина. Дѣтство Шиллеръ провелъ въ деревнѣ Лорхъ, гдѣ учился въ сельской школѣ, затѣмъ онъ прошелъ четырехклассную латинскую школу въ Людвигсбургѣ, и по желанію тогдашняго герцога виртембергскаго, деспотическаго Карла Евгенія, былъ отданъ отцомъ въ учрежденную герцогомъ военную академію, въ замкѣ Солитюдъ, близъ Штутгарта. Въ этомъ закрытомъ учебномъ заведеніи, подъ крайне суровымъ режимомъ, Шиллеръ провелъ 8 лѣтъ и былъ выпущенъ оттуда въ 1780 г. со званіемъ врача. Назначенный полковымъ врачемъ, но не чувствуя особаго призванія къ медицинѣ и обезкураженный неудачной практикой, Шиллеръ всецѣло отдался охватившему его еще въ академіи поэтическому творчеству. А стремленіе это овладѣло имъ еще на тринадцатомъ году, когда онъ, подъ вліяніемъ Клопштока, написалъ двѣ трагедіи: „Авессаломъ“ и „Христіане“.

Хотя отроческія трагедіи Шиллера и не сохранились, но, судя по разсказамъ лицъ, читавшихъ ихъ, уже и въ этихъ попыткахъ виденъ былъ будущій творецъ „Разбойниковъ“ и „Донъ-Карлоса“. Еще находясь въ академіи, Шиллеръ уже началъ (17-ти лѣтъ) свои стихи въ журналѣ „Швабскій Меркурій“. Здѣсь же написалъ онъ свою первую, исполненную бурностремительнаго романтизма, знаменитую трагедію „Разбойники“, на которой отразилось вліяніе идей Руссо и Гете. Шиллеръ издалъ эту трагедію въ 1781 г. на свой счетъ, отчего и начались его долги, которые мучили его потомъ много лѣтъ.

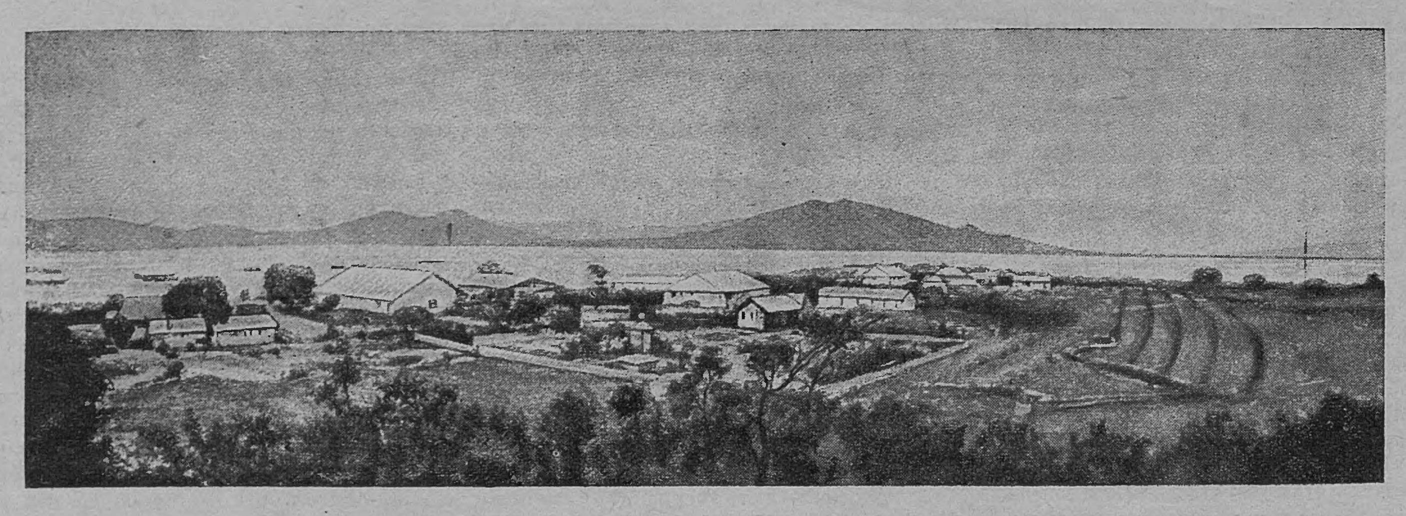
„Разбойники“, вышедшіе вскорѣ вторымъ изданіемъ, дали Шиллеру громкое литературное имя, вызвали рядъ подражаній и съ громаднымъ успѣхомъ даны были на сценѣ лучшаго изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ театровъ — въ Маннгеймѣ. Шиллеръ въ это же время издалъ альманахъ „Антологія“ и, подъ вліяніемъ нужды, брался редактировать два мѣстныхъ періодическихъ изданія, но они шли плохо, и поэту приходилось перебиваться съ трудомъ. Виртембергскій герцогъ, деспотъ Карлъ-Евгеній, запретилъ ему печатать что-либо безъ своей личной цензуры.

Въ виду преслѣдованій, Шиллеръ рѣшился бѣжать изъ Виртемберга, что ему и удалось. Началась преимущественно странническая жизнь Шиллера. Онъ прибылъ въ Маннгеймъ и здѣсь началъ свою вторую трагедію „Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“ и приступилъ къ „мѣщанской драмѣ“—„Коварство и любовь“. Изъ Маннгейма онъ перебрался во Франкфуртъ и, перебиваясь кое-какъ и спасаясь отъ долговъ, жилъ у разныхъ друзей—въ Бауэрбахѣ, Оггерсгеймѣ (у Вольцогеновъ). Въ это трудное время онъ создавалъ своего „Донъ-Карлоса“. Потомъ, въ теченіе года, опять онъ жилъ въ Маннгеймѣ, гдѣ за 300 гульденовъ цѣлый годъ управлялъ театромъ, завѣдуя выборомъ и обработкой пьесъ. „Фіеско“ и „Коварство и любовь“ не имѣли особеннаго успѣха на сценѣ. Великій поэтъ оказался безъ мѣста и, преслѣдуемый кредиторами, непремѣнно попалъ бы въ тюрьму, если бы его не выручилъ одинъ пріятель. Пробовалъ онъ издавать альманахъ „Талію“ (съ 1785 г.), не безъ особаго успѣха. Переселясь въ Лейпцигъ и затѣмъ въ Дрезденъ, Шиллеръ пользовался поддержкой своего друга, философа и писателя Х.-Г. Кернера, высокообразованнаго человѣка, имѣвшаго благотворное вліяніе на поэта

Прибывъ въ 1787 г. въ Веймаръ, тогдашній умственный и литературный центръ Германіи, гдѣ жили и дѣйствовали Гете, Гердеръ и Виландъ, Шиллеръ, продолжая издавать свой сборникъ „Талію“, тамъ же написалъ свое лучшее историческое сочиненіе—„Отпаденіе Нидерландовъ отъ Испаніи“ (1788), —книгу, имѣвшую большой успѣхъ и доставившую Шиллеру крупныя матеріальныя выгоды, такъ что онъ могъ расплатиться съ долгами и вздохнуть свободнѣе. Издавъ въ это время „Донъ-Карлоса“ Шиллеръ болѣе чѣмъ на десять лѣтъ пріостановилъ свое драматическое творчество, написалъ много лирическихъ стихотвореній и философскихъ и литературныхъ статей.

Благодаря возникшей дружбѣ съ Гете матеріальное положеніе Шиллера продолжало улучшаться. Герцогъ веймарскій сдѣлалъ его совѣтникомъ своего двора, назначивъ ему ежегодную пенсію (или, скорѣе, субсидію) и назначилъ его профессоромъ всеобщей исторіи въ іенскомъ университетѣ въ 1789 году. Каѳедру профессора Шиллеръ занималъ 10 лѣтъ (по 1799 г.).

Въ 1790 г. Шиллеръ женился на Шарлоттѣ фонъ-Ленгефельдъ, высокообразованной и съ чуднымъ сердцемъ дѣвушкѣ. Счастье его было бы вполнѣ безоблач-

Общій видъ Камранской бухты, въ Аннамѣ.
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

нымъ, если бы не начавшіяся съ 1791 г. постоянныя болѣзни Шиллера: кровохарканіе, одышка и спазмы. Уже въ началѣ этого года Шиллеръ былъ между жизнью и смертью и принужденъ былъ уѣхать лѣчиться въ Карлсбадъ.

Поправившись, Шиллеръ докончилъ начатую ранѣе „Исторію 30-лѣтней войны". Но съ этихъ поръ, почти ежегодно, Шиллеръ не переставалъ болѣть и уже въ 1793 г. предвидѣлъ свою смерть.

Пять лѣтъ онъ старательно работалъ надъ своей знаменитой драматической трилогіей „Валленштейнъ", которая и дана была на сценѣ съ громаднымъ успѣхомъ въ Веймарѣ и Берлинѣ въ 1799 г. Въ это же время Шиллеръ оставилъ свою іенскую профессуру и вмѣстѣ съ Гете сталъ завѣдывать веймарскимъ театромъ, поселясь окончательно въ Веймарѣ. Съ Гете же онъ издавалъ и журналъ „Horen" и выпустилъ сборникъ „Ксеніи".

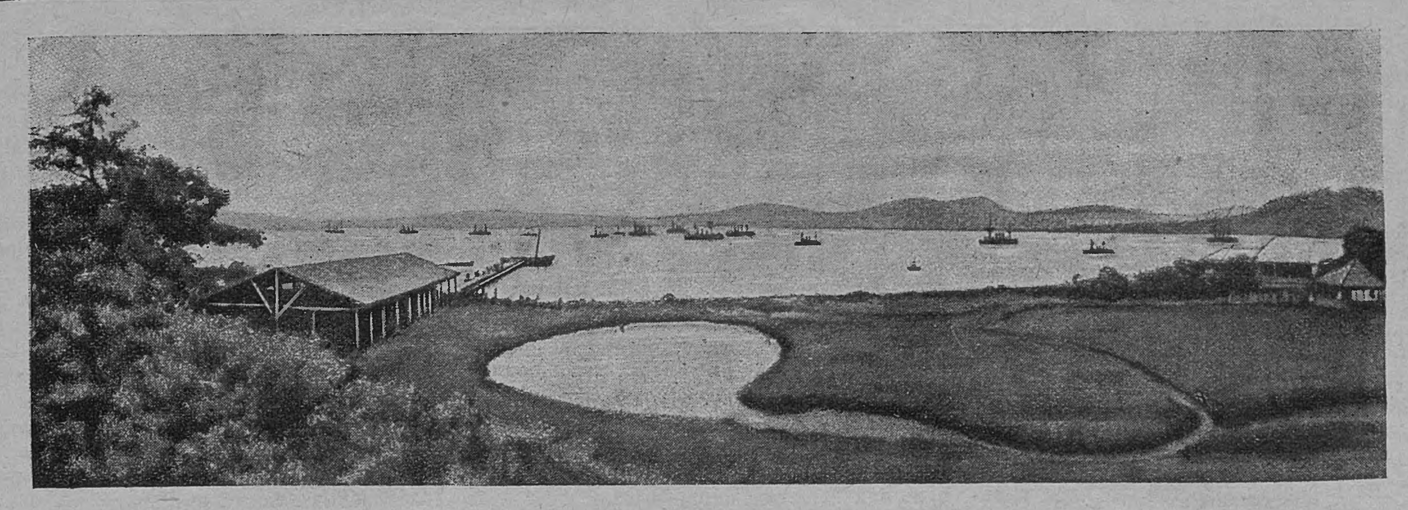
Чѣмъ далѣе, тѣмъ слава и успѣхъ Шиллера все болѣе увеличивались его послѣдующими драмами: „Маріей Стюартъ" (1800), „Орлеанской Дѣвой" (1801) „Мессинской Невѣстой" (1803) и, наконецъ, его, такъ сказать, лебединой пѣснью — „Вильгельмомъ Теллемъ" (1804).

Въ послѣдніе мѣсяцы жизни, хотя и больного, Шиллера одолѣвала кипучая дѣятельность. Но все начатое имъ въ это время помѣшала докончить смерть. Такъ, въ это время онъ задумалъ драму „Варвинъ", изъ англійской исторіи, собиралъ матеріалъ для одобренной Гете драмы „Мальтійцы" и, кромѣ того, готовилъ еще 3 драмы: одну изъ парижской жизни, другую изъ быта отдаленныхъ заморскихъ странъ и третью — „Дмитрій Самозванецъ", изъ русской исторіи „смутнаго времени". Послѣдней драмой онъ особенно много занимался въ послѣдніе мѣсяцы передъ смертью и успѣлъ обработать нѣсколько сценъ. Смерть не позволила ему привести къ концу начатыя работы, и онъ умеръ еще сравнительно молодымъ—всего 45 лѣтъ. Прахъ его въ 1828 году перенесенъ съ городского веймарскаго кладбища въ герцогскую усыпальницу, гдѣ и покоится вмѣстѣ съ прахомъ его великаго друга Гете..

Громадно значеніе Шиллера у себя и за гранью Германіи. Во всемірной литературѣ врядъ-ли найдется другой болѣе симпатичный пѣвецъ, чѣмъ „благородный адвокатъ человѣчества", какъ его назвалъ Бѣлинскій, пѣвецъ и апостолъ гуманности, свѣта, любви и обще-

Отступленіе съ боемъ отъ Мукдена.
(Рисунокъ первый).
Съ наброска художника-корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Входъ въ Камранскую бухту. — (На горизонтѣ видны суда нашей эскадры).
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

человѣческой правды. Главная причина неотразимаго вліянія Шиллера на сердца милліоновъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ читателей—это его глубокая, восторженная, пламенная искренность, его непреклонная вѣра въ человѣческое чистое сердце, въ прогрессъ, въ идеалы добра и правды, искренняя любовь къ этимъ ид а амъ и воплощающимъ ихъ героямъ (Жанна д'Аркъ, Вильгельмъ Телль и др.). Въ этомъ непреходящее, вѣчное значеніе Шиллера для послѣдующихъ поколѣній, какимъ было оно и для поколѣній минувшаго XIX вѣка.

Предпринятое Гербелемъ „Собраніе сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей", имѣвшее у насъ 7 изданій, и новѣйшія изданія Н. Голованова (начатое въ Москвѣ въ 1899 г. и еще не оконченное) и Брокгаузъ - Ефрона (1901—1902) упрочили и у насъ популярность у насъ германскаго генія.

Д. П. Сильчевскій.

Холерный бунтъ.

I.

Холера. Теперь мы знаемъ ее, знаетъ ее и народъ, а когда она появилась у насъ въ первый разъ, не всѣ сразу додумались, что это за чудовище.

Въ Петербургѣ интеллигенція и высшее общество знали, что холера—смертоносная болѣзнь, такая же заразительная, какъ чума, но въ чемъ она выражается,—не знали даже иные врачи, а простой народъ, мѣщане и даже чиновничество думали, что холера, которую ждутъ, что-то вродѣ заморской танцовщицы или пѣвицы.

Это было въ 1831-мъ году.

Въ 1830-мъ году она гуляла по Руси, а въ іюнѣ 1831 года явилась и въ столицу.

Люди падали въ корчахъ, съ ними дѣлались поносъ и рвота и они умирали въ судорогахъ, страшные, посинѣвшіе, съ искаженными лицами.

Народъ сначала недоумѣвалъ, потомъ испугался. Болѣе состоятельные бросились вонъ изъ Петербурга, на дачи.

Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ, въ который нельзя было проникнуть безъ двухнедѣльнаго карантина.

Карантинъ устраивали и во всякой дачной мѣстности, такъ сказать, обывательскій.

Человѣка ставили подъ дымъ костра изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей и держали, пока онъ не начиналъ задыхаться отъ дыма.

Городъ опустѣлъ. Лавки закрылись.

По городу ѣздили холерные фургоны, при нихъ находились люди въ страшныхъ кожу-

Отступленіе съ боемъ отъ Мукдена.
(Рисунокъ второй,—продолженіе рисунка перваго).
Съ наброска художника-корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

хахъ съ капюшономъ и въ огромныхъ рукавицахъ.

Прослышавъ про холернаго, они врывались въ домъ; родственники и близкіе гнали ихъ, но они хватали больного, садили въ фургонъ и везли въ больницу.

Случалось, на улицѣ подбирали пьянаго, принявъ его за больного и онъ, очнувшись, начиналъ скандалить.

Больницъ устроили много. На Садовой, подлѣ Публичной библіотеки, на Сѣнной, на Екатерининскомъ каналѣ—противъ Подъяческой, у церкви Рождества, на Ямской, на Васильевскомъ островѣ, Выборгской, Петербургской...

Лѣчили просто. Сначала пускали кровь, но скоро это средство забраковали. Варшавскій докторъ предложилъ лѣчить висмутомъ вовнутрь, а снаружи растирать виномъ, настоеннымъ на перцовкѣ. Простой же народъ лѣчился такъ. Больного поили парнымъ молокомъ, пока его не начинало рвать, затѣмъ вливали ему въ ротъ двѣ чайныхъ чашки деревяннаго масла, отчего у несчастнаго выворачивало все нутро. Окружающіе тогда успокаивались, рѣшая, что вся болѣзнь вышла.

Народъ умиралъ. Съ 17-го іюня по 4-е іюля больныхъ было 5,000, изъ которыхъ немногіе остались живы.

Началось смутное броженіе, поднялся ропотъ. Готовился холерный бунтъ.

Въ то время Апраксинъ переулокъ (по тогдашнему Обжорный) былъ мѣстомъ сборища простого люда.

Сюда сходились по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, чтобы повидаться съ земляками, прочесть чрезъ грамотѣя письмо съ родины, отвѣтить черезъ писаку на письмо.

Въ съѣстныхъ лавкахъ и трактирахъ сидѣли грамотные люди и зарабатывали пятаки.

Въ переулкѣ была нетолченая труба народа, стоялъ гомонъ отъ крика, смѣха и ругани.

Въ будни здѣсь нанимались рабочіе и прислуга. Словомъ, Обжорный переулокъ былъ биржею рабочихъ рукъ и клубомъ сѣраго люда.

И вотъ, тутъ-то начались разговоры.

Говорили то же, что говорилъ народъ и въ 1892-мъ году.

Никакой холеры нѣтъ. Это ее нарочно выдумали, чтобы истреблять народъ.

Истребляютъ, но на всякій манеръ. Подбрасываютъ отраву въ воду, въ квасъ, въ тѣсто. Ловятъ въ свои больницы, гдѣ бѣдняковъ варятъ на скелеты, топятъ на касторовое масло и хоронятъ живыми.

А прикрываются какой-то холерой.

И, прежде всего, началась облава на подозрительныхъ людей. Особенно, на франтовъ.

Франты по тогдашней модѣ ходили въ клѣтчатыхъ шотландскихъ плащахъ и бѣлыхъ шляпахъ.

Боясь холеры, они всегда имѣли у себя пузырьки съ нюхательнымъ спиртомъ и капли и народъ съ особеннымъ увлеченіемъ травилъ ихъ, ловилъ, билъ и доставлялъ въ полицію, откуда ихъ, понятно, отпускали, но часто безъ плаща и шляпы, съ помятыми боками.

Нѣкоторые изъ такихъ эпизодовъ не лишены комизма.

Схвативъ одного такого франта на Садовой улицѣ, толпа, избивъ его изрядно, рѣшила утопить и поволокла по улицѣ.

Дежурившій на гауптвахтѣ офицеръ замѣтилъ несчастнаго и окрикнулъ толпу:

— Куда, братцы, и кого тащите?

— Отравитель! — откликнулись вожаки,— топить волокемъ!

— Такъ что-жъ вы, братцы, не по порядку дѣлаете. Его, с. с., спервоначалу отодрать надо, а тамъ и топить! Дайте-ка его мнѣ.

— И то!—заговорили въ толпѣ,—отодрать надоть.

Бунтари подвели несчастнаго къ офицеру.

— Возьми его, ваше благородіе, отваляй его хорошенько, а потомъ—камень на шею и въ воду!

Офицеръ взялъ несчастнаго подъ свою опеку и тѣмъ спасъ отъ неминуемой смерти.

Другой эпизодъ извѣстенъ про нѣкоего писателя Соколова.

Онъ сотрудничалъ у А. Ѳ. Воейкова, бывшаго редакторомъ „Русск. Инв.“ и издателемъ литературныхъ къ нему приложеній.

Соколовъ шелъ съ книгами по Шестилавочной, теперь Надеждинской улицѣ, и вдругъ сидѣлецъ, бывшій у дверей одной лавки, заоралъ:

— Православные, отравитель! сейчасъ плеснулъ изъ пузыря отраву въ квасъ!

На его крикъ стали сбѣгаться люди, и въ одну минуту Соколова окружила толпа.

Во главѣ ея оказался чиновникъ съ Анной на шеѣ.

— Давай свой чертовъ пузырекъ съ отравой!

— У меня нѣтъ!—отвѣтилъ, дрожа, худой какъ спичка, Соколовъ.

— Врешь! раздѣвайся!

Соколовъ снялъ фракъ, жилетъ, сапоги, брюки, все—и остался въ одной сорочкѣ.

Чиновникъ съ Анной на шеѣ чинилъ обыскъ и производство и ничего не нашелъ.

Соколова уже хотѣли оставить, какъ вдругъ, кто-то крикнулъ:

— Чего глядите, онъ оборотень! Я видѣлъ, какъ онъ сглотнулъ отраву!

— Бить! топить!—загудѣла толпа, и часть бросилась во дворы за полѣньями и веревками, но, на счастье Соколова, вдругъ подлѣ него появился молоденькій, лѣтъ 19, офицеръ на конѣ.

— Въ чемъ дѣло?

Дрожащій Соколовъ разсказалъ. Юноша вспыхнулъ.

— Идите за мной!—онъ выхватилъ палашъ и сталъ имъ плашмя наносить удары.

Толпа разступилась.

Онъ билъ и ѣхалъ, а Соколовъ, тонкій, длинный, въ одной рубашкѣ, захвативъ одежду и сапоги въ охапку, бѣжалъ за нимъ по Шестилавочной, по Невскому, до Литейной, гдѣ укрылся въ домѣ.

Несмотря на внѣшнія угрозы толпы, она все-таки была добродушна: производила дознанія, не терзала жертвы и почти всегда, побивъ, доставляла въ кварталъ. Иногда ограничивалось тѣмъ, что просто травили какого-либо франта, улюлюкая ему и заставляя его вихремъ мчаться по улицѣ.

Но моръ увеличивался; увеличивалась паника. Краснобаи и бабы кричали громче и громче объ отравителяхъ. Недовольство росло и, наконецъ, 22-го іюня 1831 года разразилось возмущеніемъ.

II.

Въ воздухѣ чувствовалась гроза. Народъ становился все сосредоточеннѣе и угрюмѣе; въ городѣ жить становилось страшно. Люди поражались болѣзнью дома, на улицѣ, въ банѣ; корчились и умирали. По улицамъ разъѣзжали безобразные огромные фургоны, сопровождаемые санитарами изъ солдатъ, въ кожухахъ, огромныхъ кожаныхъ рукавицахъ, грубыми, сильными.

Они врывались въ дома, гдѣ узнавали про заразу, и выволакивали больного.

Протестующіе голоса раздавались все настойчивѣе и грознѣе.

И вдругъ—все всколыхнулось. Сразу.

22-го іюня улицы Петербурга вдругъ запрудились толпами народа.

Толпы двигались по всѣмъ направленіямъ, устремляясь, главнымъ образомъ, къ холернымъ больницамъ.

Началось съ холерныхъ каретъ. Едва встрѣчался толпѣ этотъ ненавистный экипажъ, какъ на него бросались съ яростью; сильныхъ санитаровъ избивали что есть мочи, если они не успѣвали скрыться; больныхъ вытаскивали и уносили въ дома, а карету разносили въ мелкія щепы—и потомъ съ глухимъ рокотомъ потокъ людей стремился дальше.

У Синяго моста толпа остановилась противъ аптеки.

— Вотъ оно, зелье-то гдѣ готовятъ!—сказалъ кто-то, и этого было достаточно, чтобы толпа пришла въ ярость.

— Бей!—раздался возгласъ, и въ окна аптеки полетѣли камни и полѣнья.

Зазвенѣли и посыпались стекла. Въ звонѣ разбиваемыхъ стеколъ есть что-то заразительно буйное, какъ въ струѣ крови—опьяняющее.

Въ аптеку ворвались мужики и мѣщане и на улицу полетѣли банки, бутыли, конторка, стеклянные шары съ синей, красной и зеленой жидкостями.

— Въ больницу, ребята! спасай нашихъ! на докторовъ! дадимъ имъ!

Опьяненная толпа устремилась по Вознесенскому проспекту.

У Харламова моста точно также была разбита аптека, и толпа бросилась къ больницѣ на Екатерининскомъ каналѣ, противъ Подъяческой.

— Бей!—гремѣло въ воздухѣ перекатнымъ громомъ.

Полиція спряталась.

Толпа тысячъ въ 10 запрудила Садовую улицу и Сѣнную площадь.

На площади стояли деревянные холерные бараки.

— Пали, ребята!

О сопротивленіи нечего было думать. Сторожа и весь персоналъ разбѣжались. Одинъ докторъ въ отчаяньи сталъ кричать:

— Безумные, что вы дѣлаете!

— Мы тебѣ покажемъ!—и въ одну минуту этотъ докторъ былъ обращенъ въ кусокъ избитаго, окровавленнаго мяса.

Толпа ворвалась въ бараки.

Одни поспѣшно выносили больныхъ и, сдавая ихъ съ рукъ на руки, разсовывали по домамъ; другіе ломали мебель, рвали подушки, одѣяла, били посуду и съ неистовымъ ревомъ выбрасывали все на площадь, а стоящіе снаружи бараковъ разбивали окна, срывали двери, ставни и били топорами стѣны.

На Екатерининскомъ каналѣ деревянную больницу разнесли въ щепки.

Опьяненные побѣдой бунтовщики схватили холерную карету, впряглись въ нее и съ пѣснями повезли по улицамъ.

Они возили ее до глубокой ночи и потомъ сбросили въ Фонтанку.

Ночь прекратила безчинства. Администрація растерялась и бездѣйствовала.

Государь, едва узналъ про безпорядки, тотчасъ рѣшилъ ѣхать въ столицу.

Его начали отговаривать, но рѣшеніе его было неизмѣнно.

На слѣдующій день, 23-го іюня, безпорядки начались съ утра.

Толпы быстро стеклись и направились въ разныя стороны добивать неразбитыя больницы.

На Садовой, подлѣ Публичной библіотеки, собралось тысячи три. Море головъ волновалось и дальше по всей Садовой до Сѣнной и тамъ разливалось по всей площади.

Больницу подлѣ Публичной библіотеки разбивали.

Изъ дверей выносили больныхъ, а изъ оконъ второго этажа выбрасывали сперва по

стели, бѣлье, посуду, подушки, а потомъ докторовъ, фельдшеровъ, служителей.

Они летѣли стремглавъ на руки безумной толпы, и тамъ ихъ били...

Къ удивленію, убитыми изъ нихъ не оказалось ни одного, но избитыми до безчувствія—всѣ.

Здѣсь произошло два забавныхъ эпизода.

Неизвѣстно по чьему приказанію со стороны Невскаго вдругъ показались два казака.

Они врѣзались въ толпу и начали бить по головамъ нагайками.

Толпа шарахнулась-было, но скоро одумалась.

Одинъ казакъ былъ тотчасъ стащенъ съ лошади, другой успѣлъ выбраться изъ толпы и удралъ во всю конскую прыть.

Спустя немного времени, на Невскомъ показалась коляска. На козлахъ кучеръ, въ коляскѣ—два офицера, на запяткахъ—огромный гайдукъ.

Это ѣхалъ на мѣсто бунта старикъ генералъ-губернаторъ Эссенъ со своимъ адъютантомъ.

Кучеръ свернулъ на Садовую и смѣло остановилъ коляску у дверей разносимой больницы.

Въ то время коляски строились высокими, какъ эшафотъ. Гайдукъ соскочилъ съ запятокъ и откинулъ лѣсенку въ 7 ступенекъ.

Эссенъ спустился и вошелъ въ двери больницы, адъютантъ остался въ коляскѣ, гайдукъ у подножки, а кругомъ стояла несмѣтная толпа.

Чуть не черезъ минуту губернаторъ выскочилъ изъ больницы и, путаясь въ полахъ шинели, бросился къ коляскѣ. Но едва онъ сталъ на первую ступеньку подножки, какъ кто-то ухватилъ его за воротъ и стащилъ внизъ. Генералъ, не оглядываясь, полѣзъ снова, и снова его сдергивали разъ шесть. Наконецъ, гайдукъ его подбросилъ, адъютантъ ухватилъ его за руки, и онъ упалъ въ коляску.

Кучеръ рванулъ лошадей. Гайдукъ вскочилъ было на запятки, но его сдернули при веселыхъ кликахъ, и коляска умчалась безъ него.

Толпа продолжала свое дѣло разоренія.

Вдругъ пронеслось извѣстіе, что на Садовую мчится конница.

Толпа испуганно всколыхнулась; началась давка.

Въ тотъ же мигъ, съ Невскаго отъ Казанскаго собора донеслись раскаты неистоваго „ура“.

Это ѣхалъ Императоръ Николай I въ открытой коляскѣ.

Несмотря на просьбы, онъ рано утромъ сѣлъ на пароходъ и пріѣхалъ въ мятущуюся и растерянную столицу.

Прямо съ парохода онъ пересѣлъ въ открытую коляску и велѣлъ везти себя по Невскому и Садовой прямо на Сѣнную площадь.

Николай I не боялся своего народа.

По всему пути его восторженно привѣтствовала толпа. Въ тѣснотѣ онъ не могъ ѣхать быстро и подвигался при крикахъ „ура“, окруженный народомъ.

По тѣсной Садовой ѣхать было еще труднѣе.

Разбивавшіе больницу закричали „ура“ и окружили коляску.

Государь былъ строгъ и безмолвенъ и какъ бы не замѣчалъ одушевленія толпы.

Было 11 часовъ утра, когда онъ остановилъ коляску у храма Спаса и всталъ въ ней во весь ростъ, сбросивъ шинель.

Онъ былъ одинъ среди нѣсколькихъ тысячъ опьяненныхъ буйствомъ людей.

Знаменитое „на колѣни!“ онъ не произносилъ.

Въ письмѣ Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ, гдѣ передана рѣчь государя, этихъ словъ нѣтъ.

Онъ сказалъ, что, вѣнчаясь на царство, клялся поддерживать порядокъ и законы, что онъ другъ добрымъ, но „горе злонамѣреннымъ!“

Затѣмъ, объяснивъ, что въ городѣ зараза, и что онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія, противъ которыхъ теперь возстали, онъ сказалъ, что, бунтуя—жалуются, значитъ, на него. „Ну, вотъ, я здѣсь! и я приказываю вамъ повиноваться!..“

Окончаніе рѣчи поистинѣ прекрасно.

— „...Теперь расходитесь! въ городѣ зараза! вредно собираться толпами. Но напередъ слѣдуетъ помириться съ Богомъ. Если вы оскорбили Меня вашимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили Бога преступленіемъ: совершено было убійство! невинная кровь пролита! Молитесь Богу, чтобы Онъ васъ простилъ...“

И, быть можетъ, толпа опустилась на колѣни.

Послушная Царю, толпа разошлась. Не было принято никакихъ особыхъ мѣръ; войска не вызывались, изъ ружей не стрѣляли. Бунтъ окончился.

Царь нѣсколько дней провелъ въ столицѣ. Онъ посѣщалъ холерные бараки и подходилъ къ больнымъ.

А. Заринъ.

Печать и печатное дѣло.

(Изъ воспоминаній старшаго инспектора типографій).

> Пиши, говори, кричи всякій, у кого есть хоть сколько-нибудь безкорыстной любви къ отечеству, къ добру и истинѣ.
>
> *В. Бѣлинскій.*

5.

Въ февралѣ 1882 года я поступилъ инспекторомъ заведеній печати въ г. С.-Петербургѣ. Въ то время числилось четыре инспектора участковыхъ и одинъ старшій; на обязанности послѣдняго лежало наблюдать за точнымъ исполненіемъ инспекторами предписываемыхъ закономъ правилъ и объявлять новыя распоряженія правительства. Я принялъ 4 участокъ, въ которомъ находились всѣ зарѣчныя части и, кромѣ того, Литейная и Рождественская.

Точную цифру всего числа заведеній печати, - библіотекъ, книжныхъ лавокъ, фотографій и проч., привести не могу, но, сколько мнѣ помнится, ихъ было не менѣе 150 въ принятомъ участкѣ.

Получивъ извѣщеніе, что я назначенъ инспекторомъ, и предложеніе о принятіи дѣлъ и участка, я отправился къ старшему инспектору за полученіемъ инструкцій. Послѣдній, однако, не далъ никакого объясненія на предложенные мною вопросы, а рекомендовалъ обратиться къ его письмоводителю и участковымъ инспекторамъ. Впослѣдствіи оказалось, что старшій инспекторъ былъ маловѣдущъ въ дѣлахъ инспекціи, и во всемъ полагался на письмоводителя. Болѣе же трудные вопросы, которые не подъ силу письмоводителю, нашъ глава поручалъ рѣшать инспекторамъ.

Канцелярія находилась на квартирѣ письмоводителя, живущаго неподалеку отъ старшаго инспектора, и помѣщалась въ третьемъ этажѣ надворнаго флигеля. Это была маленькая комната, съ однимъ окномъ, вся заваленная связками дѣлъ и журналовъ. Въ двухъ остальныхъ комнатахъ жила семья письмоводителя.

Послѣ продолжительнаго разговора я пришелъ къ заключенію, что у письмоводителя не добьешься никакого толку. Онъ недавно поступилъ, и самъ еще не успѣлъ оріентироваться. Инструкціи не оказалось, а циркуляры были подшиты къ разнымъ дѣламъ. Словомъ, никакого порядка, никакой системы. Даже устава о печати не имѣлось въ канцеляріи. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что старшій инспекторъ платитъ письмоводителю 50 рублей въ мѣсяцъ [1]). На эти деньги онъ долженъ былъ имѣть квартиру, писца и канцелярскія принадлежности. Конечно, этой суммы было недостаточно, и письмоводитель принужденъ былъ пользоваться доброхотными подачками. Онъ наводилъ справки въ канцеляріи градоначальника, торопился съ исполненіемъ формальностей, и затѣмъ относилъ лично владѣльцамъ свидѣтельства на право открытія типографій, библіотекъ, книжныхъ лавокъ и проч. Послѣдніе, въ воздаяніе трудовъ, охотно платили мзду; они же снабжали письмоводителя бланками, бумагою и прочими мелочами канцелярской машины.

Въ удрученномъ состояніи вышелъ я изъ канцеляріи и отправился къ инспектору, временно завѣдывавшему четвертымъ участкомъ, принимать дѣла. Онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, точно мы были старыми пріятелями и давно не видались. Это былъ настоящій типъ Ноздрева.

На мои разспросы по разнымъ дѣламъ онъ громко расхохотался, хлопнулъ меня по плечу и сказалъ:—„Ну, пойдемъ, лучше выпьемъ да закусимъ, а потомъ я научу васъ, какъ нужно обращаться съ этими подлецами. Вотъ связка какихъ-то бумагъ валяется въ углу. Берите. Впрочемъ, я вамъ пришлю. — Вы знаете, какъ надо отправлять пакеты въ канцелярію старшаго инспектора?“.

И, не дожидаясь моего отвѣта, прибавилъ:—„Когда придется отправлять пакетъ, то отдайте его газетчику, стоящему на углу и велите нести куда слѣдуетъ. Эти мерзавцы у меня служатъ на посылкахъ“.

Дѣйствительно, вечеромъ я получилъ связку дѣлъ, которую и принесъ газетчикъ.

Такъ я и не получилъ необходимыхъ для меня свѣдѣній. Разбираясь въ доставленныхъ бумагахъ, я нашелъ списокъ заведеній печати, но этотъ списокъ былъ ниже всякой критики. Заведенія переѣзжали на другую квартиру, въ прежнюю въѣзжали новыя. Бывшій инспекторъ не исключалъ старыхъ, онъ только вписывалъ новыя. Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же домѣ и въ одной и той же квартирѣ значилось три однородныхъ заведенія. То же случалось и при переходѣ заведеній къ другимъ владѣльцамъ. Старые не исключались, а вносились только новые.

6.

На другой день я поѣхалъ по своему району, для ознакомленія съ ввѣренными моему надзору заведеніями печати. Съ нѣкоторыми изъ типографовъ я былъ знакомъ еще раньше; они встрѣтили меня очень дружелюбно и многое порасказали о продѣлкахъ инспекторовъ. Въ особенности отличались два послѣднихъ инспектора. Одинъ недавно вышелъ въ отставку. Другой, котораго я назвалъ Ноздревымъ, благополучно продолжалъ службу уже девятый годъ. Эти опричники,—болѣе деликатнаго названія не могу придумать,—являлись въ за-

[1]) Старшій инспекторъ получалъ на содержаніе канцеляріи тысячу рублей. Поступившему на эту должность новому лицу безвозмездно было отведено помѣщеніе для канцеляріи въ домѣ градоначальника.

неденія исключительно для ревизіи кармановъ владѣльцевъ. Къ болѣе трусливымъ прямо обращались съ требованіями, менѣе трусливымъ говорили Хлестаковскую фразу:— „Поистратился, знаете, въ дорогѣ“...

— Зачѣмъ же вы имъ давали? — спрашивалъ я типографовъ.

— „Ну, стоило ли спорить. При нашемъ дѣлѣ всегда можетъ быть какая-нибудь проруха. Потащитъ къ суду, отниметъ время, а если брать адвоката, то выйдетъ еще дороже. Положимъ, за такіе проступки судъ наложитъ взысканіе пустячное, что и бывало неоднократно, но опять-таки для насъ время дорого,—можно упустить заказчика“.

Нерѣдко случалось, что разгулявшіеся инспектора ночью подъѣзжали на тройкѣ къ квартирѣ типографа, будили его и требовали денегъ.

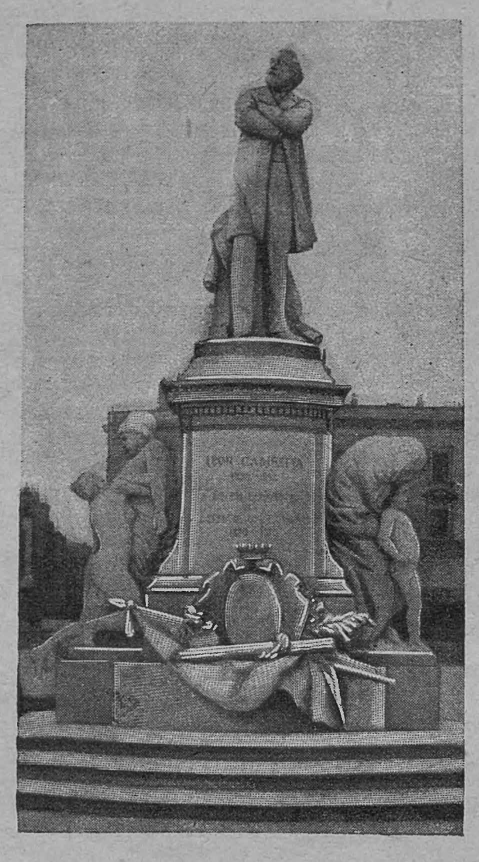
Иногда прокутившійся инспекторъ посылалъ изъ ресторана письмо къ типографамъ, чтобы тотъ послалъ денегъ для уплаты по счету. Подлинныя письма, переданныя мнѣ типографами, хранятся въ моемъ портфелѣ, въ числѣ другихъ вещественныхъ доказательствъ, характеризующихъ печальное время минувшихъ годовъ.

Вотъ образчикъ одного письма, болѣе всѣхъ отличающагося вѣжливостью: „Уважаемый NN. Спасите, я сижу въ ресторанѣ и не могу заплатить, пришлите 40 рублей, чѣмъ премного обяжете всегда готоваго къ услугамъ“.

По почерку и орѳографіи видно, что писалъ пьяный человѣкъ. Но не одни владѣльцы заведеній печати платили мзду, терпѣли также и управляющіе, и метранпажи. „Ноздревъ“ не гнушался грошами тружениковъ. Если онъ не заставалъ владѣльца дома или управляющаго, то безцеремонно подходилъ къ метранпажу и спрашивалъ лаконически:— есть деньги?

Послѣдній вынималъ портмонэ и, отдѣливъ половину, вручалъ грозному инспектору.

Объ этихъ продѣлкахъ я слышалъ не только отъ самихъ типографовъ, но и отъ лицъ цензурнаго комитета.

Памятникъ Гамбеттѣ, открытый въ Бордо 12-го апрѣля.

Словомъ, типографы и торговцы книгами служили дойными коровами для администраціи. Они платили, когда ходатайствовали объ открытіи заведеній и лавокъ, съ нихъ рвали, и тогда, когда ихъ заведенія уже функціонировали.

Собравъ необходимыя данныя и вооружившись вещественными доказательствами, въ видѣ писемъ, я отправился къ старшему инспектору и сообщилъ о всемъ слышанномъ.

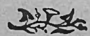
Старшій инспекторъ выслушалъ, какъ мнѣ показалось, съ неудовольствіемъ о подвигахъ его помощниковъ, и... сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я занялся не тѣмъ дѣломъ, къ которому призванъ.

Возмутившись подобнымъ отношеніемъ, я прямо заявилъ, что если старшему инспектору неудобно доводить до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, такъ какъ „Ноздревъ“ служитъ уже девятый годъ, то я самъ сообщу объ этомъ тому лицу изъ высшей администраціи, которое предложило мнѣ принять мѣсто инспектора. „Старшина“ смирился и обѣщалъ принять мѣры къ удаленію Ноздрева.

Скоро представился случай, и „Ноздреву“ предложили подать въ отставку. На его мѣсто поступилъ молодой, симпатичный человѣкъ съ высшимъ образованіемъ.

Такимъ образомъ, составъ инспекторовъ совершенно обновился, и новые инспектора составили дружный между собою союзъ, который существовалъ все время.

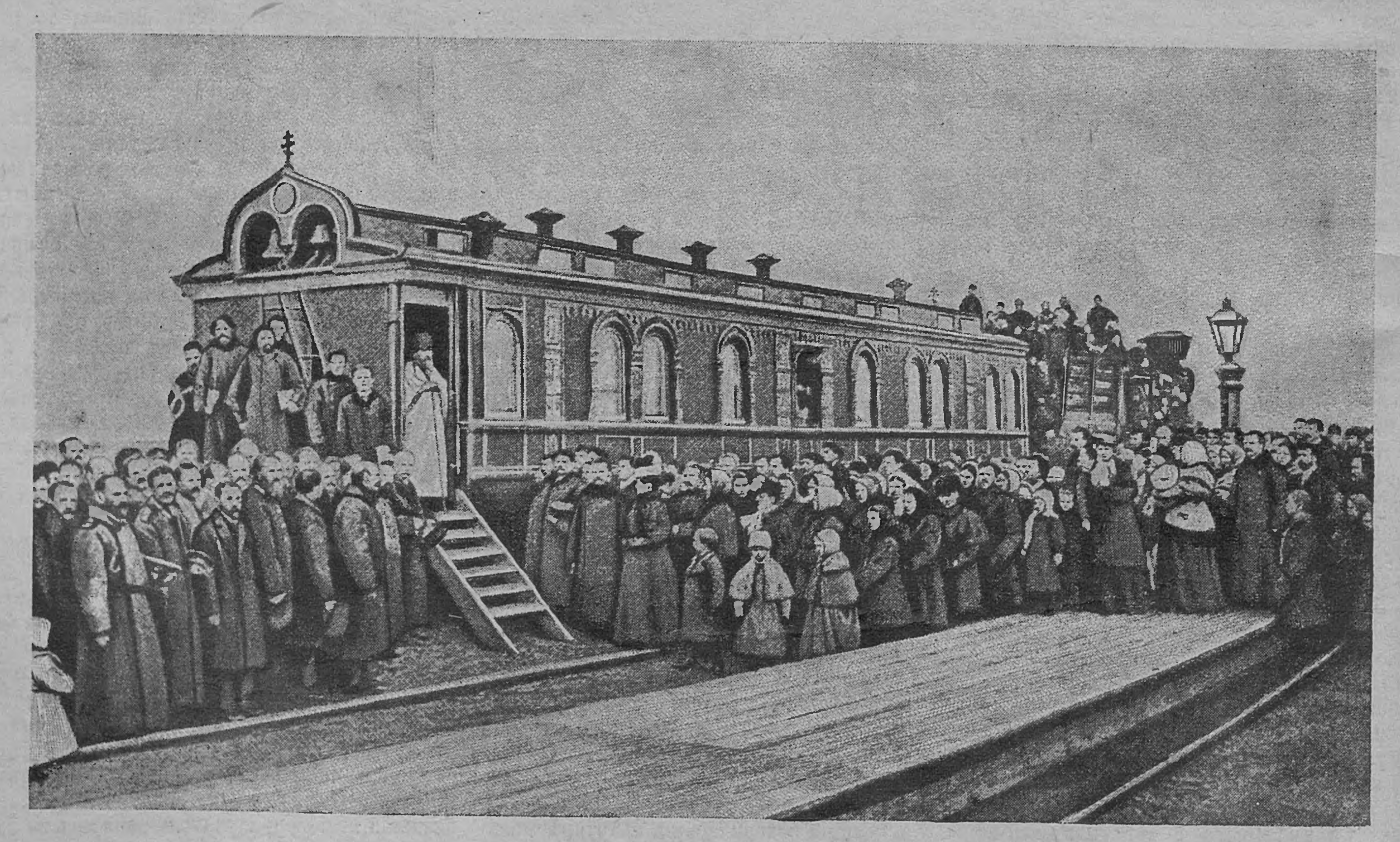
И. Карамышевъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ЮЖНО-ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦІИ.

Французская экспедиція къ Южному полюсу, подъ начальствомъ Жана Шарко, первыя, недавно полученныя извѣстія о которой мы въ свое время сообщали, теперь находится уже въ Буэносъ-Айресѣ, на обратномъ пути въ Европу. Члены экспедиціи и весь экипажъ судна „Le Français“, несмотря на испытанныя ими лишенія и опасности, чувствуютъ себя здоровыми и бодрыми.

Пасхальная недѣля въ Сибири. — Вагонъ-церковь на одной изъ станцій Сибирской желѣзной дороги.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом.“ С. М. Пропперъ.